

ИСКУССТВО КРАСНОРЕЧИЯ ДРЕВНЕЙШИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКОВ

Марсель Хаернасович Бакиров,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д.2,
mileuscha@mail.ru

На основе системного анализа китайских, византийских летописных источников, а также историко-сравнительного изучения разнородных фактических материалов в статье устанавливается и обосновывается формирование и функционирование искусства красноречия у тюркоязычных племен и народов в разные периоды истории, при этом в первую очередь рассматриваются евразийские хунны-гунны, которые во времена их пассионарного могущества на Востоке и на Западе создали свои державы. Восточные хунны не только враждовали и воевали с древними китайцами, но и имели с ними экономические и культурные связи, и именно благодаря этому у восточных хуннов еще до н.э. зародилось и получило развитие риторическое искусство. Эта традиция продолжалась и у западных гуннов, а позднее она получила своеобразное развитие в текстах речей правителей и беков, в дипломатических переговорах, письменных памятниках монологического склада у древних и средневековых тюрок. В их числе – Орхонские рунические памятники, в языке которых, на наш взгляд, участвует и даже превалирует риторический стиль.

Ключевые слова: фольклор, риторика, ораторское искусство, речь, стиль, фигуры и формы, рунические надписи.

1. Риторическое слово начинается с хунну-гуннов

Ораторское искусство, или красноречие, появившееся в античную эпоху, как известно, участвовало в «кровообращении» между поэзией и художественной прозой. В античной культуре сформировалась наука риторика, занимающаяся изучением ораторского искусства, а в Древнем Китае, с подданными которого наши предки-хунны жили в соседстве и имели регулярные экономические и культурные связи, ораторское искусство возникло еще раньше. Древние образцы этого вида творчества дошли до нас в таких старинных памятниках, как «Речи царств» (985-453 гг. до н.э.), через летописную книгу «Весна и осень» (722-481 гг. до н.э.) и сборник «Речи борющихся царств» (V-III вв. до н.э.). И этому не следует удивляться: еще в древнейшие времена в Китае существовал обычай записывать речи ванов, высших сановников, военачальников, послов и мыслителей на бамбуковое дерево или деревянные дощечки; функционировал институт писцов-логографов, связанный с этим обычаем [1: 59-60].

Вот как объясняет Л.Д.Позднева – на примере китайцев – ту роль, которую играло ораторское искусство, культ красноречия в древнюю эпоху: «Устная речь – более древняя, привычная и развитая – шла впереди речи письменной, которая еще не успевала фиксировать устную и завоевать общественное доверие. Изучение письма и счета в те времена считалось низшей ступенью в образовании, красноречия – высшей; положение писца в обществе было ниже, чем оратора, – первый считался ремесленником, второй – человеком благородным, который выступал в роли советника или дипломата при дворе царя» [2: 22, 43]. «Произведения ораторского искусства в Китае представляют преимущественно как устное творчество, которое сохраняет вначале общие с фольклором черты; оратор выступает хранителем той же народной мудрости, продолжает традицию устной передачи» [2: 43].

В ходе исследовательской работы мы стремились выявить характер взаимосвязи ораторского искусства и устного народного творчества, ибо мастерство оратора, сила эмоционального воздействия, образность его речи во многом зависели от приверженности традициям фольклора, который также является искусством изустного слова. В то же время нас заинтересовал процесс поглощения и трансформации ораторским искусством достижений фольклора, а также его воздействие на древнюю поэтическую речь и на письменные памятники.

Как свидетельствуют наши исследования, искусство риторики, или красноречия, у наших предков-хуннов развивалось под влиянием культуры китайцев. Наши предки уже с той поры, когда кочевали по территории Северного Китая, на землях провинции Ганьсу, не только воевали, но и активно общались, устанавливали торговые и культурные связи с населением Поднебесной; они сохранили эти связи и тогда, когда переселились на территорию Монголии, в Ордос. На пороге новой эры, закрепившись на северных границах Китая и оказавшись под его покровительством, хунны также испытывали благотворное воздействие своих соседей [3: 150-151]. Взаимные контакты не прекращались и после распада империи Хань, когда во внутренние районы Китая в массовом порядке хлынули хунны и создали свои небольшие государства (307-460 гг.) [4: 46-48; 5: 10-12].

Китайская культура в хуннскую среду проникала разными путями: и через перебежчиков или попавших в плен эмигрантов, и при содействии государственных деятелей китайского происхождения, переходивших на службу хуннам (Чжао Ли, Ван Хуан, Лю Юань, Ли Лин, Чжунхан Юе, Вэй Люй), и под влиянием китайских принцесс, прибывших в ставку шаньюй со своей свитой на основании «договора мира и родства». Кроме того, перед началом нашей эры шаньюй южных хуннов (Хуханье, Суэце, Гюйя, Учжулу) посылали своих сыновей в качестве заложников во дворец китайских императоров, так что последние воспитывались там или служили в императорской гвардии [4: 71, 121, 150-159]. Все это способствовало распространению и развитию в хуннской правящей и государственно-управленческой среде навыков и традиций красноречия, об этом свидетельствуют китайские летописи, в которых речи хуннских высокопоставленных лиц были зафиксированы с подачи китайских тайных агентов.

В IV веке, «в период шестнадцати государств пяти племен», на территории Северного Китая одно за другим возникают небольшие хуннские государства. Одно из них, Ранняя Чжао (304-325 гг.), основал Лю Юань-хай – один из наследников Модэ (Бахадур) (у хуннских правителей, разумеется, были и пратюркские имена, но, к сожалению, в китайских источниках они не зафиксированы). Об уровне его красноречия мы можем судить по следующему фрагменту из его речи, обращенной к подданным: «У меня более 100 тысяч воинов, каждый из которых противостоит десяти цзяньцам (китайцам)... Я могу создать государство, подобное созданному

ханьским императором Гао-цзу, в худшем случае – не уступлю создателю династии Вэй (табгачское государство – *М.Б.*)» [5: 38]. Сын Лю Юань-хая Лю Цун, занявший позже престол отца, также являлся авторитетным, мудрым человеком с пылкой, поэтической душой, который после себя оставил свыше сотни лирических стихотворений [5: 38, 39].

Другое же хуннское государство – Северная Лянь (иное название Хэси, 397-439 гг.), прозванное «бриллиантом северных стран» (из которого, кстати, в свое время вышел тюркский род Ашинэ – выделено нами – *М.Б.*), основал Цзю-цзюй Мэн-Сунь. Этот представительный хунн также получил хорошее воспитание, прочитал множество книг на китайском языке, хорошо знал астрономию, отличался бойкостью и остротой языка. Современники считали его проницательный ум «противоестественным для человека». Столица основанного им государства Лянчжоу по уровню культуры не уступала столице Южного Китая Цзянькану (вариант Нанкин) [4: 146-148], поэтому ученые-буддисты называли ее «бриллиантом северных стран».

Расширив границы своего государства за счет подчинения близлежащих земель, Мэн-Сунь поменял его название на Хэси и, начиная править уже под титулом Хэси-ван, обратился к подданным со следующим посланием: «Постоянно печалюсь о страданиях невинного народа, я не имел времени спокойно присесть, мое тело утомилось от лат и шлема, а сам я устал от ветров и походной пыли и хотя сокрушал врага... Наступает время, когда мы сможем выпустить лошадей пастись на склонах гор Цзинь шань (Золотые горы)» [5: 121-122].

Почти одновременно с государством Северная Лянь (Хэси) на западе от реки Хуанхэ возникает еще одно хуннское царство Ся (407-431 гг.). Его основоположник Хэлянь Бобо (Баба – отец, одно из уцелевших хуннско-тюркских слов-эпонимов) был выходцем из рода Лю Юань-хая (наследник Модэ), основателя третьего хуннского государства Ранняя Чжао. Заняв трон, он тотчас посылает своего помощника У Логу к главе государства Северная Лянь Мэн-Суню с предложением заключить клятвенный договор: «... Владения Чжао и Вэй превратились в развалины, наполненные змеями, области Циньчжоу и Лунчжоу покрылись норами шакалов и волков, две священные столицы заросли буйной травой. Когда бестолковый народ не знал, на кого опереться, Небо, раскаявшись в ниспосылаемых бедствиях, вручило судьбу двум нашим домам, поместило их рядом друг с другом, установило между нами отношения, основанные на справедливости и близости. Поэтому мы должны укреплять мир и дружбу, чтобы у каждого из нас постоянно было государство и владения. Прославить волю небесных и земных духов можно, только заключив клятвенный договор о союзе; установить неизменную дружбу можно лишь при наличии единодушия, дающего силу, способную разрубить металл» [4: 147].

Хэлянь Бобо, стремясь вернуть былую мощь и славу хуннов, выступает против строительства крепостей и дворцов, утопающих в китайской роскоши. В своей речи он призывает вернуться к образу жизни предков – ранних хуннов: «Мы пропадем, если запремся в каком-нибудь городе. Будем носиться, как ветер степной, кидаясь на голову врага, если он бережет хвост, нападая на хвост, когда он прячет голову. Утоим и изнурим их, и через десять лет весь Север будет наш. Вот умрет Яо Син, сын которого туп, и тогда я возьму Чаньань» [4: 147]. Нетрудно заметить, что в этих словах запечатлелись как традиции красноречия, так и мировидение степного правителя хуннов.

Когда над хуннами Центральной Азии (Монголии) нависла угроза потери государственности и физического уничтожения (54 год до н.э.), восточный князь ичжицзы-ван посоветовал Хэлянь Бобо подчиниться Китаю. Хуннский шаньюю, враждебно относившийся к Китаю, обсудил это предложение на совете старейшин. Главы кочевий и родов выступили против объединения с Китаем и в своей речи-отповеди, зафиксированной в обобщенном виде в летописях, заявили: «Нельзя [этого] делать. По своим обычаям сюнну (сюнну – иное название хунну – *М.Б.*) выше всего ставят гордость и силу, а ниже всего – исполнение повинностей. Они создают государство, сражаясь на коне. Сражаться на коне есть наше господство, и потому мы страшны перед всеми народами. Смерть в бою – удел сильного воина. <...> Хотя Хань сильна, она не в состоянии поглотить сюнну, и разве можно в нарушение древних установлений служить [династии] Хань в качестве вассала, позорить имена умерших шаньюев и подвергать себя осмеянию со стороны всех владений! Хотя и воцарится спокойствие, как мы будем главенствовать в будущем над всеми народами?!» [6: 34-35].

В летописях была увековечена и противоположная точка зрения. Ичжицзы-ван восточной (левой) стороны, посоветовавший Хуханье обратное, возразил им следующим образом: «Это не так, для могущества и слабости – всему свое время... Ныне [династия] Хань достигла цветущего

состояния... Теперь если мы станем служить Хань – обречем спокойствие и жизнь, не станем служить – подвергнем себя опасности и гибели» [9: 35].

Эти фрагменты летописей свидетельствуют о том, что наши предки стремились записывать речи правителей и старейшин в форме монологов и диалогов, сохраняя при этом риторические вопросы и восклицания, рассчитанные на слуховое восприятие и силу убеждения.

Мы считаем, что искусство красноречия было характерно не только для азиатских хуннов, но и для гуннов Европы. В частности, готский историк Иордан сохранил для нас записи византийского посла Прииска, которые дошли до нас в виде отдельных отрывков. Так, например, в описании знаменитой битвы на Каталаунских полях (451 год) встречается речь Атиллы, с которой он выступил перед своими воинами накануне сражения гуннов с войсками Римской империи, включавшими в себя германские племена и алан (текст дается в сокращенном виде): «... Презрите эти собравшиеся здесь разноязычные племена: защищаться союзными силами – это призрак страха. Смотрите! Вот уже до вашего натиска поражены враги ужасом: они ищут высот, занимать курганы в степи... Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость!... Идущих к победе не достигают никакие стрелы, а идущих к смерти рок подвергает и во время мира. Наконец, к чему фортуна утвердила гуннов победителями стольких племен, если не для того, чтобы [подчинить их и сделать своими вассалами]. И кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к меотидам, [показавшим гуннам путь через Меотское озеро], столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным? Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных?.. Я не сомневаюсь в исходе – вот поле, которое сулит нам все наши удачи! И я первую пушу стрелу на врага. Кто может пребывать в покое, когда Атила сражается, тот уже похоронен» [7: 106-107].

Очевидно, Прииск, близко знавший Атиллу, реконструировал данную речь на основе расспросов участников Каталаунской битвы, опираясь на сохранившиеся в их памяти сведения. Этим, наверное, объясняются шероховатости, встречающиеся в тексте. Послу удалось передать не только пафос речи гуннского вождя, но и суть его выступления. Чтобы в этом убедиться, достаточно привести в качестве примера упомянутое Атилой предание о священном олене, показавшем гуннам дорогу при переходе с Меотского озера (Азовского моря) на побережье Черного моря [8: 16; 9: 408]. Ибо из текста вытекает то, что это родившееся только что предание знакомо лишь воинам, к которым непосредственно обращена речь, а для являвшегося современником Атиллы византийского историка она была еще новой и неизвестной.

Таким образом, ораторское искусство было хорошо знакомо и жившим в Азии восточным хуннам, и гуннам запада, обосновавшимся в Европе. Они неплохо усвоили риторические приемы красноречия и связанные с ним художественный, дипломатический и общественно-политический стили. Иначе говоря, хунну-гунны не ограничились созданием различных поэтических жанров, опирающихся как на обрядово-мифологический синкретизм, так и на внеобрядовое и немагическое начало, но и сумели овладеть мастерством красноречия – ораторским искусством. Находящееся между поэзией и прозой, это искусство на начальной стадии, разумеется, было тесно связано с устным народным творчеством и разговорной речью. Но позднее, слившись с письменной культурой, оно оказало значительное влияние на развитие говорно-интонационного стиха и эмоционально-ритмической прозы.

2. Тюркские народы – преемники хунно-гуннских традиций

Со своеобразным продолжением и развитием хунно-гуннских традиций красноречия мы встречаемся в общественно-политической жизни и письменной культуре ранних и поздних тюрков. Самые ранние сведения об употреблении риторической речи в высших кругах относятся к периоду Тюркского каганата, просуществовавшего в VI-VIII вв. В качестве одного из ранних свидетельств или примеров можно привести слова сына тюркского кагана Дизавула (Истеми) Турксанфа, зафиксированные византийским историком Менандром в 576 г., где резкой критике подвергается скрытая политика Византии-Рима в отношении тюркского каганата. Текст обвинительной речи в адрес византийских послов изобилует присущими для риторической речи экспрессивно-выразительными средствами – это и меткие выражения, и остроумные высказывания, и сравнения, иносказания, антитезы: «Не вы ли те самые римляне, употребляющие 10 языков и один обман?». Выговорив эти слова, он заткнул себе рот десятью пальцами; потом продолжал: «Как у меня теперь во рту 10 пальцев, так и у вас, у римлян, множество языков. Одним вы обманываете меня, другим – моих рабов вархонитов (он разумел аваров). Лаская все народы и обольщая их искусством речей и коварством души, вы пренебрегаете ими, когда они ввергнутся в беду головой, а пользу от того получаете сами... Чуждо и несвойственно тюркскому человеку

лгать. Ваш же царь в надлежащее время получит наказание за то, что он со мной ведет речи дружественные, а с вархонитами, рабами моими, бежавшими от господ своих, заключил договор» [10: 418-419].

Орхонские эпитафические надписи, посвященные правителям Тюркского каганата (Кюль-Тегин, Бильге-каган, Туныюк), их славной и драматической судьбе, представляют собой не стихотворную речь, как это пытались доказать некоторые ученые (И.В.Стеблева), а риторическую, относящуюся к ораторскому искусству, так как в них нет канонизированного стихотворного размера, характерного для поэтической речи. Стиль этих текстов, основанный преимущественно на ритмической прозе, отличается тем, что непосредственный участник событий или некий очевидец излагают свои мысли в форме обращения к своим соплеменникам, близким людям и бекам, т.е. тексты имеют характер речи-тэлмара для определенной аудитории.

Мы предполагаем, что данные тексты были составлены самими правителями или при их непосредственном участии, а Йолыг-тегин был писцом-исполнителем, который наносил тюркские руны на камень.

Примечательно, что автор (или повествователь) свой рассказ сознательно называет, притом неоднократно, древнетюркским словом «саб» (*sab / sav*), означающим «речь» / «телмар», и много раз обращается к своим сородичам со словами «*услышьте*», «*слушайте*» мою речь: *sabimîn tükäti ešidgil, bu sabimîn edgüti ešid, qatirdi tığla*. В этих текстах, напоминающих лиро-эпический монолог, спорадическое появление ритмических, схожих с пословицами оборотов и близких к стихотворно-поэтической речи фрагментов отнюдь не противоречит стилю риторической речи, а, наоборот, обогащает ритмико-интонационное звучание подобных текстов. В то же время в Орхонских надписях, наряду с риторическими фигурами, встречаются приемы, характерные для поэтики эпоса. Приведем образцы обращения Бильге-кагана к своим близким и подвластному окружению из Малой надписи в честь Кюль-тегина:

*Täñri täg täñrida bolmiš
Türk bilgä qagan by ödkä olurtim.
Sabymın tükäti äšidgil:
ilaju inijigünim joglanym,
biriki ogusim budunym,
birijä sab-apyt bäglär,
jыraja tarkat bujyruq bäglär.*

Небоподобный, неборожденный
тюркский мудрый каган, я ныне сел [на царство]
Мою **речь** слушайте до конца (полностью)
следующие за мной мои младшие родичи, мои сыновья,
союзные мои племена [и] народы,
[стоящие] справа беки шад и апа,
[стоящие] слева беки тарханы [и] приказные [11: 27,33].

*Toquz oguz bägläri budunı
bu sabymın ädgüti äšid, qatırdı tynla.*

Народ [и] беки токуз-огузов,
Эту **речь** мою слушайте, крепко ей внимайте.

Обращение каганата к тюркскому народу (*türk budun*), бекам (*türk bäglär*) довольно часто переплетается с присущими ораторской речи риторическими возгласами и риторическими вопросами:

*Azu bu sabymda igid bargu?
Türk bäglär budun bunı äšidin!*

Разве в моей **речи** есть ложь?
Беки [и] народ тюрков, слушайте это [11: 28, 34].

В результате знакомства с Орхонскими надписями мы можем сформировать представление об уровне развития искусства красноречия у наших предков. Интересна точка зрения И.П.Еремина,

специалиста по древнерусской литературе, о природе текста «Слово о полку Игореве»: это не поэма и не «воинская» повесть. «“Слово о полку Игореве” – произведение ораторского искусства по своей природе, единственный дошедший до нас памятник светского эпидейктического красноречия Киевской Руси» [12: 162-163].

В период Тюркского каганата речь тюрков изобиловала риторическими фигурами. Об этом свидетельствуют рунические надписи на надмогильных камнях тюркских воинов и беков, разбросанных по территории Монголии, Тувы, Хакасии и Сибири, а также эмоциональные тексты на горных скалах и высоких берегах рек. Вот, например, своеобразные лаконичные формулы, нанесенные на песчаниковый берег реки Тубы в Восточной Сибири (1) и на утес горы Тепсея возле Енисея (2).

1. *Jüz jaşajın*
Taңrim açuk bizkâ
jârimâ bâңgü balbal.

Жить до ста!
Тенгри (Небо-божество) – крыша нам.
Вечный балбал (памятник) земле моей – Идель [13: 66].

2. *Er (jer) tebşej kičig qutlug kičig*
Teңrim üčük bizke
Idil jerim a beңgü bol.

Тибшей Кичиг (название сакральной скалы) – счастливый Кичиг.
Тенгре – крыша (защита) нам.
О моя страна Идель, вечно существуй [14: 69].

Ораторское искусство, естественно, не было чуждо тюркам и в более поздние времена. Выдающийся тюрколог В.В.Радлов, объясняя, как и благодаря каким личностям появилось у уйгуров ораторское искусство, пишет следующее: «Камы считаются учеными среди турок-уйгуров и благодаря им возникло у них искусство писать, красноречие, астрономия, колдовство» [15: 62]. Современник В.Радлова А.Калачев, в свою очередь, сообщает, что у телекитов (телеутов) мастеров красноречия называют «кожонче» (по-алтайски кожоң – песня), и дает высокую оценку их деятельности: «Эти певцы и люди, которые вообще умеют говорить в рифму, складно, в большом почете у теленгитов <...> На суде кожонче красноречиво защищает своего клиента, говоря всегда в рифму, тот же кожонче непременно присутствует на сходках и собраниях, где он публично, опять-таки в рифму, говорит, защищая то или другое предложение. Он пользуется всеобщим уважением и почетом, его меткие слова запоминаются и расходятся в форме пословиц» [16: 491].

Так же было в свое время и у таких тюркских народов, как киргизы, казахи. Вспомним, как после рождения героя киргизского эпоса Манаса, его отец Жакып, собрав большой той (пир), провел поэтическое состязание жырау-акынов. Состязания подобного рода также были связаны с искусством красноречия. Аналогичные состязания проводились и между кожонче – певцами теленгитов. У казахов сохранилось немало источников, связанных с ораторским искусством их предков. Возникновение искусства слова они связывают с легендарной личностью кипчака Майки-би, жившего предположительно в XII в. На это указывает древняя поговорка: «*Түгел (бетен) сөздиң түби бир (бер), түп атасы Майкы-би*» – 'Корень всех слов один и тот же, основной прародитель их □ Майки-би'. Имена таких мастеров риторического искусства, как Жирэнчэ чечан, Асан Кайгы, Аязби, Тули, Казбек, Срым Датов, Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов, стали достоянием истории [17: 15].

Необходимо отметить, что узбеки, имевшие в средневековье государственность и довольно развитую духовную культуру, также очень высоко ценили искусство красноречия и уделяли большое внимание его развитию. Как пишет узбекский ученый С.Имонходжиев: «Наряду с поэзией, музыкой в Хорасане в эпоху Алишера (вторая половина XV века) достигло расцвета ораторское искусство («ылми мавъ-иза»). Об этом свидетельствует ряд литературных памятников в виде сборников речей и наставлений. Среди них «Ключ к речи» неизвестного автора, «Сад ораторов» Самарканди, «Роскошь собраний» Маж-диди, «Спутник оратора» Синди и многие другие» [18: 62, 63]. Из древних ораторов Средней Азии сегодня известны имена Мавлона

Хусаина Ваиза Кашифи (год смерти 910/1504) и Муина Ваиза Мавлона Реиз – современников А.Навои. В свое время они выступали с речами и читали проповеди в мечетях, медресе, тюрбе (гробницах-мавзолеях) и на народных сходках. Красноречие в качестве специального курса преподавалось в духовных учебных заведениях Средней Азии.

Разумеется, традиции красноречия проявлялись не только в речах и выступлениях мастеров слова в сфере социально-политической и общественной жизни, но и нашли своеобразное воплощение в произведениях фольклора, в особенности – в эпосах-дастанах. Ярким свидетельством этого является известный дастан тюрок средневековья «Огуз-наме», возникший в огузско-туркменской среде и построенный на сочетании прозы и отчасти поэзии. В нем большая часть монологов Огуз-кагана и в том числе его выступление на пиру богато риторическими фигурами.

Надо подчеркнуть, что искусство красноречия получило развитие у болгар и татар. Часть этих традиций восходит к болгарским племенам, жившим на Северном Кавказе и вблизи Азовского моря. Мы имеем в виду племя савир (варианты: сабир / сувар), ставшего позже одним из этнических компонентов волжских булгар. По словам С.Плетневой, савиры, входящие тогда в состав Хазарского каганата и, возможно, чтобы отделиться от него, приняли на короткий отрезок времени христианство, и поэтому к ним из Кавказской Албании (территория нынешнего Азербайджана) в 681-682 гг. прибыла делегация под руководством епископа Израиля. Их враждебно встретили местные камы-шаманы (или, говоря словами албано-армянского историка, «колдуны, прорицатели, знахари, жрецы»), исповедующие языческую религию тюрок – тенгрианство. Когда люди епископа Израиля начали оскорблять их богов и высмеивать местные обряды и решились срубить большой дуб, являвшийся символом Тэнгри-хана, жрецы и шаманы, объединившись с местным народом, выступили с обращением к вождю савирского племени и его приближенным. Обращение к ответственным за судьбу народа и его веру должно было быть убедительным, и поэтому оно построено на характерных для риторического стиля оборотах и фигурах: «Что вы думаете, как вы смеете, как вы можете делать то, что говорит вам наш противник [епископ], враг богов наших – срубить дерево то! Зачем же вы во всем слушаете его? Зачем вы согласились ломать, разрушать и уничтожить наши капища и жертвенники отцами нашими построенные?... Ведь когда вы поклонялись и приносили жертвы и дары деревьям, посвященным колоссальному богу [Тенгри-хану], вы получали все, просили и находили добро: больные получали исцеление, неимущие – состояние, во время засухи палящей и в знойные, жаркие дни мы силою их вызывали дожди. А также для вас мы прекращали ливневые дожди и умирляли громогласное возмущение и сверканье молний с облаков... Не следует вам отходить и отрекаться от наших настоящих богов, которым поклонялись наши предки и вы тоже, не следует бросать их и предавать в его руки врага, чтоб он разбивал их и попираал ногами» [19: 22-23].

Поэт и глава духовенства Казанского ханства Кул Шариф проявил дар красноречия как в общественно-политической деятельности, так и в своем творчестве. Среди выдающихся личностей татар, живших в XVII столетии, своим красноречьем прославился Кадыргали-бек, бывший главный советник Сибирского хана Кучума, участник восшествия на престол Касимского хана Уразмухаммеда, который имел авторитет в Москве. Свое произведение «Жамигыт-тэварих» (1602) он начинает с одического посвящения – восхваления Бориса Годунова, где старается изобразить его отцом русских и нерусских народов, не жалеет красок, чтобы представить его в качестве умного, сильного, справедливого правителя: «Престол твой горе подобен, народ твой подобен тени государя; личность твоя луне подобна; правосудие твое подобно облаку; действия милости подобны; благодеяния твои подобны морю, – да вкушает мир, да здравствует сотни лет, [о] доброименный Борис-хан!.. Твое озарение народам подобно луне и подобно солнцу. А у всех – русских, татар... есть один хан с именем Борис!.. Твои благодеяния не иссякнут, в казне твоей сокровища никогда не истощатся, и при раздаче на все четыре стороны они не убавятся. Кто встретится с твоей милостью, тот никогда не опечалится. Хвала тебе, Борис хан!» [20: 69-71].

Упомянутое вступление-восхваление построено в традициях красноречия, ораторского искусства. Казахский ученый Ч.Валиханов считает, что это «замечательный памятник татарской панегирики (панегирик в переводе с греческого означает «торжественно-патриотическая речь»)» [21: 144]. Татарский ученый Гали Рахим отмечал: «В своем панегирике в честь Бориса, написанном рифмованной прозой, слог Кадыргали-бека поднимается до кульминационной точки красочности и торжественности, являясь, таким образом, высшим образцом тогдашнего художественного стиля» [22: 135-137]. Татарский ученый Миркасим Усманов обратил внимание на связь этого текста с традициями народного творчества: «Но еще больше чувствуется в панегирике Кадыр-Алибека

фольклорное начало. Даже представляется, что перед нами не профессиональный писатель, отшлифовавший свое перо, а скорее всего мастер устного народного искусства у тюрков – красноречивый чечан» [20: 69].

Поскольку ораторское искусство и фольклор принадлежат устному творчеству, т.е. связаны непосредственно с речью и исполнением, их тесная взаимосвязь и взаимозависимость обусловлены влиянием на искусство красноречия устного народного творчества.

Как показывают наши наблюдения, ораторское искусство у татар не угасло и в последующие века, а продолжало существовать, приобретая различные формы. Если одна из ветвей ораторского искусства и красноречия реализовала себя в сфере общественной мысли и политики, то другая завоевывала высоты в области культуры и литературы.

Литература

1. *Смолин Т.И.* Источниковедение древней истории Китая. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. 184 с.
 2. *Позднева Л.Д.* Ораторское искусство и памятники Древнего Китая // Вестник древней истории. 1959. №3 (69). С. 22-43.
 3. *Гумилев Л.Н.* Хунну: степная трилогия. СПб.: «ИКА Тайм-аут: КОМПАСС», 1993. 224 с.
 4. *Гумилев Л.Н.* Хунну в Китае. М.: Наука, 1974. 272 с.
 5. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. I. Сюнну / Перевод и комментарий В.С.Таскина. М.: Наука, 1989. 287 с.
 6. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. II. М.: Наука, 1973. 171с.
 7. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М.: Наука, 1960. 436 с.
 8. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1979. 216 с.
 9. *Джафаров Ю.Р.* О происхождении древних болгар // Фольклор, литература и история Востока. Ташкент: Изд-во «Фан» Узб. ССР, 1984. С. 408-418.
 10. *Менандр* Византиец. Известия // Византийские историки. Перевод с греческого Спиридоном Дестунисом. СПб. 1860. 446 с.
 11. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
 12. *Еремин И.П.* Литература древней Руси. М.-Л.: Наука. 1966. 263 с.
 13. *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.
 14. *Кляшторный С.Г.* Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсея и Турана) // Советская тюркология. 1976. №6. С. 69-78.
 15. *Радлов В.В.* К вопросу об уйгурах. СПб. 1893. 130 с.
 16. *Калачев А.* Поездка к теленгитам на Алтай // Живая старина. СПб.1899. Вып. III-IV. С. 491-510.
 17. *Адамбаев Б.* Казахское традиционное ораторское искусство и речи, связанные с именем Срыма: автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1962. 15 с.
 18. *Имонжоджиев С.* Навои и ораторское искусство // Звезда Востока. 1968. № 9. С. 62-71.
 19. *Плетнева С.А.* Хазары. М.: Наука, 1976. 93 с.
 20. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 221 с.
 21. *Валиханов Ч.Ч.* Извлечение из «Жамигыт-таварих» // Собрание сочинений в 5 томах. Т.1. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1961. С. 142-168.
- Рахим Г.* О новом списке татарского исторического сочинения XVII века // Вестник научного общества татароведения.